

На текущія темы.

Особый читатель. — Человѣческій документъ. — Сепаратизмъ съ прописной буквы или какъ иногда выполняются обѣщанія. — Маленький Лыжинъ. — О человѣкѣ, который всегда правъ.

Есть у насъ одна категорія читателей, рѣзко выдѣляющихся изъ общей читательской массы какъ своими запросами и настроениемъ, съ которыми они подходятъ къ книгѣ, такъ въ особенности той оцѣнкой, которую даютъ читаемому. Немногочисленна эта категорія, но при своей ничтожности въ количественномъ отношеніи она оказываетъ огромное вліяніе на литературу, съ ней больше всего приужденъ бываетъ считаться писатель, чѣмъ съ широкими читательскими кругами. Не будетъ преувеличеніемъ даже сказать, что эта категорія до извѣстной степени сама участуетъ въ процессѣ литературного творчества,—настолько необходимо считаться съ ея требованіями и даже вкусами. До недавняго времени эта категорія была почти всемогущей въ своей области, и само появленіе или непоявленіе того или иного произведенія всецѣло зависѣло отъ нея. Теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились въ сторону раскрѣпощенія писателя, но все-таки группа читателей, о которой идетъ рѣчь, продолжаетъ сохранять весьма замѣтную роль въ литературныхъ отношеніяхъ.

Я говорю о читателѣ по обязанности, читателѣ по долгу службы,—о томъ читателѣ, которому ввѣренъ надзоръ за печатнымъ словомъ и литературой и который читаетъ не по извѣстной склонности къ чтенію, не по любознательности, не для наслажденія, развлеченія или развитія, но по приказанію начальства и для наблюденія за промахами печатнаго слова съ точки зрѣнія уголовнаго уложенія. Меня всегда весьма занимала психологія такого читателя. Книга, хорошая или дурная, талантливая или бездарная, всегда пытается нѣчто дать читателю, протянуть нѣкоторыя интимныя нити между нимъ и авторомъ. Неудовлетворенный въ томъ или иномъ отношеніи читатель можетъ не раздѣлять мнѣній

автора, можетъ возмущаться его точкой зрењія и пріемами, можетъ негодовать и протестовать, можетъ, наконецъ, бросить книгу. Но всегда въ той или иной оцѣнкѣ онъ исходить изъ своей внутренней убѣжденности, изъ своихъ потребностей, запросовъ и вкусовъ. И вотъ на-ряду съ этимъ—ченіе совершенно иного рода,—ченіе съ точки зрењія нарушенія той или иной статьи Уголовнаго Уложенія, ченіе, улавливающее не самую мысль, а лишь степень ея „вредоносности“ и наказуемости... Какъ хотите, но есть въ этомъ нѣчто до такой степени противоестественное, что обыкновенному читателю совершенно невозможно представить себѣ тотъ процессъ, какимъ оно протекаетъ. Какимъ образомъ уловляется человѣческая мысль на остриѣ цензорскаго карандаша? Какъ преломляется она въ мозгахъ человѣка, заинтересованнаго не самой мыслью и не выраженіемъ ея, а лишь отношеніемъ къ той или иной „статьѣ“? Какъ и чѣмъ опредѣляются, наконецъ, оттѣнки этого отношенія въ зависимости отъ примѣненія того или иного „пункта“ въ предѣлахъ статьи? Для меня это представляется трудно постижимой загадкой, какимъ-то извращеніемъ, глубоко скрытымъ въ тайникахъ цензорской души. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и любопытно проникнуть въ эту чудовищную лабораторію, размѣнивающую человѣческую мысль на соотвѣтственная статьи и пункты Уголовнаго Уложенія, развѣшиваяющую ее на степени наказуемости: эта мысль подлежить, моль 1-му, а не 6-му пункту 129-й статьи, эта всего лишь „временнымъ правиламъ“, а вотъ въ этой состава преступленія хотя какъ-будто и не замѣчается, но подозрительна она что-то... Вообразить только такую „работу“—и то стать тоско. А какъ же наблюдать ее?

Но наблюдать все-таки приходится,—не часто, но случается. Встрѣчаются этакіе „человѣческіе документы“, и отворачиваться отъ нихъ или закрывать глаза нѣть оснований. Въ патологію нашей современности они вносятъ весьма любопытный штрихъ, и какъ бы ни было велико наше отвращеніе къ нему, проходить мимо мы не имѣемъ права. Это вѣдь слагаемое—позорное, но слагаемое, прибавляющее замѣтную величину къ общей суммѣ нашихъ современныхъ отношеній, рисующее такую степень паденія и извращенія человѣческой личности, о которой когда-то съ ужасомъ будутъ говорить наши болѣе счастливые потомки. Да, бываютъ

этакіе „человѣческіе документы“, отъ которыхъ нестерпимо несеть запахомъ разложенія, но приходится преодолѣвать чувство брезгливости и отвращенія.

На одномъ изъ такихъ документовъ я и хочу остановить вниманіе читателей,—разумѣется, читателей по склонности, а не по долгу службы, хотя, конечно, вниманіе послѣднихъ неизбѣжно... Это работа одного изъ лицъ, по долгу службы читающихъ произведенія украинской литературы, демонстрированная сперва въ видѣ доклада въ петербургскомъ окраинномъ обществѣ, а затѣмъ напечатанная въ „Кievлянинѣ“ подъ заглавиемъ „Южно-Русскій Сепаратизмъ“ (№№ 73—76, 78—79). „Имѣя за этой литературой, по характеру моей службы въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати, наблюденія, я готовлю къ выпуску въ свѣтъ трудъ по характеристикѣ этого движенія“,—такъ заявляетъ въ своей работѣ авторъ ея, небезызвѣстный въ Кіевѣ г. Щеголевъ, промѣнявшій профессію земскаго врача на наблюдательный постъ при кіевскомъ комитетѣ по дѣламъ печати. Любопытное какъ по своей откровенности, такъ и по обѣщанію выступить съ особымъ трудомъ, посвященнымъ украинскому движенію, признаніе это имѣетъ характеръ предупрежденія: это только предварительное, такъ сказать, выступленіе г. Щеголева, въ родѣ знаменитаго „иду на вы“. Въ ожиданіи ягодокъ наблюдательной по характеру службы дѣятельности г. Щеголева займемся пока цвѣтиками ея.

Цвѣтики на первый взглядъ весьма доброкачественные,—по крайней мѣрѣ таковыми рекомендуетъ ихъ самъ авторъ. „Попутно,—пишетъ онъ,—могу дать обѣщаніе (!), что всѣ сообщаемые мною факты и приводимыя цитаты почерпнуты исключительно изъ партійной литературы сепаратистовъ, т.-е. изъ источника, вполнѣ авторитетнаго съ любой точки зрѣнія“ („Кievлянинъ“, № 73). Не будемъ придирчивы къ г. Щеголеву по поводу не совсѣмъ обычной виѣшней формы его обѣщанія, но само-то обѣщаніе запомнимъ, хотя оно и звучитъ нѣсколько неожиданно. Авторъ обѣщаетъ въ сущности добросовѣтно пользоваться источниками, т.-е. говорить правду,—въ общей литературѣ давать подобныя обѣщанія не принято, ибо само собой предполагается, что авторъ не изъ собственной головы будетъ выдумывать факты и не собственными силами сочинять цитаты. Но среди читателей и литераторовъ по долгу службы господствуютъ,

должно быть, иные обычаи, и обѣщаніемъ говорить правду тамъ пренебрегать, повидимому, не слѣдуетъ. И, какъ увидимъ ниже, этотъ обычай имѣть безспорныя основанія.

Во всякомъ случаѣ, убаюканный торжественнымъ обѣщаніемъ г. Щеголева, я спокойно, хотя и съ большимъ любопытствомъ, приступилъ къ ознакомленію съ предварительнымъ выступленіемъ господина бывшаго врача. На основаніи подлинной „литературы сепаратистовъ“ доказать ихъ злоказненность,—а относительно послѣдняго я не могъ колебаться, имѣя въ виду, какъ вообще наблюдательную дѣятельность г. Щеголева, такъ и появленіе его работы на столбцахъ „Кievлянина“,—мнѣ казалось дѣломъ совершенно невозможнымъ. „Литература сепаратистовъ“, по моему мнѣнію обыкновенного читателя, содержить, конечно, апологію этихъ людей; цитаты изъ такой литературы и факты, ею сообщаемые, должны только оправдывать то явленіе, которое г. Щеголеву угодно было окрестить не совсѣмъ, можетъ быть, удачнымъ названіемъ „Сепаратизма“ (съ прописной буквы). Между тѣмъ г. Щеголеву нужно совсѣмъ другое—вѣдь онъ собирается поражать этотъ „Сепаратизмъ“. Указанное несоответствіе намѣреній и средствъ для читателя съ нормально устроенными мозгами представляетъ какую-то квадратуру круга, задачу совершенно неразрѣшимую. И тѣмъ любопытнѣе было, какъ авторъ справится со столь смѣло поставленной себѣ задачей.

Долженъ признаться, уже съ первыхъ строкъ меня начало охватывать какое-то смутное беспокойство. Г. Щеголевъ сыплетъ фактами, историческими, лингвистическими, литературными; г. Щеголевъ весьма щедро подтверждаетъ ихъ подлинными цитатами изъ „литературы сепаратистовъ“, внимательно обставляя свои выписки заботливыми ковычками. Но, странное дѣло, чѣмъ больше фактовъ и цитатъ предъявляетъ г. Щеголевъ, тѣмъ сильнѣе растетъ беспокойство и превращается въ сомнѣніе, сомнѣніе крѣпнетъ и переходитъ въ подозрѣніе, подозрѣніе, наконецъ, смѣняется увѣренностью... Полной увѣренностью въ томъ, что несмотря на данное обѣщаніе или благодаря ему,—кто же разберется въ оригиналной психологіи читателя по долгу службы?—г. Щеголевъ не совсѣмъ... ну, не совсѣмъ церемонится съ фактами, а въ отношеніи цитатъ пользуется уже полной свободой дѣйствій. Не понравится ему фактъ—онъ его вы-

тянетъ или усъчетъ, понадобится цитата для подтвержденія такого вытянутаго или усъченаго факта—и она уже тутъ какъ тутъ, и точно такая, какая понадобилась г. Щеголеву, ни больше, ни меныше. Нужно замѣтить, что при всей своей обстоятельности г. Щеголевъ не указываетъ вовсе, откуда онъ беретъ факты и заботливо огражденныя ковычками цитаты; онъ, вѣроятно, полагаетъ, что для читателя достаточно его обѣщанія говорить только правду и провѣрять эту правду читателю врядъ ли придется въ голову. Можетъ быть, г. Щеголевъ своего читателя знаетъ и хорошо учитываетъ его психику, но, къ счастью или къ несчастью, онъ упустилъ изъ виду одно незначительное обстоятельство: что „Кievлянинъ“ читаются не только присяжные читатели „Кievлянина“, а лица постороннія, и что для послѣднихъ голаго обѣщанія г. Щеголева далеко недостаточно и предпочтительнѣе было бы получить точную ссылку. Ея-то г. Щеголевъ и не даетъ,—приходится поэтому затратить много труда и времени для провѣрки его обѣщанія.

Я не имѣю чести принадлежать къ присяжнымъ читателямъ „Кievлянина“, и потому довѣріе къ обѣщаніямъ г. Щеголева для меня не обязательно. Съ другой стороны, я немножко знаю и ту литературу, которой пользуется г. Щеголевъ. Первое побудило меня, а второе дало возможность произвести черновую работу по провѣркѣ фактовъ и цитатъ г. Щеголева,—работу, приведшую къ изумительному открытію. Болѣе лживой, болѣе гнусной по своимъ фальсификаторскимъ пріемамъ статьи не приходилось мнѣ встрѣтить даже у г. Савенка, даже у г. Меньшикова.. Почти всѣ цитаты г. Щеголева представляютъ въ лучшемъ случаѣ сильно подправленную и ретушированную переработку „литературы сепаратистовъ“, а въ худшемъ—сплошной вымыселъ, за который упомянутая литература совершенно не отвѣтственна. Обѣщаніе дано, очевидно, недаромъ.

Было бы слишкомъ скучно и долго воспроизводить предъ читателемъ всю работу по провѣркѣ цитатъ г. Щеголева. Ограничусь поэтому нѣсколькими, достаточно, впрочемъ, краснорѣчивыми примѣрами.

„Южно-русскій сепаратизмъ,—такъ приступаетъ, благословясь, къ исполненію своего обѣщанія г. Щеголевъ,—

является продуктомъ Ягеллонской идеи—унії Западной Руси и Литвы съ Польшой; таковыи онъ останется, пока либо найдеть въ этой идеѣ свое осуществленіе, либо исчезнетъ” („Кievлянинъ“, № 73). Это исходная точка изслѣдованія г. Щеголева, несмотря на то, что украинское движение по самой сущности является сплошнымъ отрицаніемъ такъ-называемой „исторической Польши“, и къ этой точкѣ зрењія подгоняетъ онъ свой матеріаль,—подгоняетъ даже такие факты, которые рѣшительно не укладываются въ Ягеллонскія рамки. Такъ, оказывается, напримѣръ, что выразителемъ не болѣе и не менѣе, какъ Ягеллонской идеи была и полтавская масонская ложа, гдѣ, какъ доподлинно извѣстно г. Щеголеву „часто ораторствовалъ малорусскій писатель Иванъ Котляревскій“ (73) ¹⁾). Такъ, оказывается, что „на этихъ же дрожжахъ всплыло (!) въ Киевѣ тайное Кирилло-Меѳодіевское братство“ (№ 74), по мнѣнию г. Щеголева, представляющее собой не что иное, какъ сколокъ съ программами польскихъ группъ, причемъ даже „вдохновителями“ братства были „польскіе писатели Свидзинскій, Руликовскій и въ особенности Грабовскій“. Проповѣди той же Ягеллонской идеи была посвящена дѣятельность Костомарова, Кулиша, Антоновича и другихъ идеологовъ украинского возрожденія, причемъ изображеніе этой дѣятельности въ описаніи г. Щеголева не лишено даже своеобразной стильности. „Штабомъ киевской громады,—пишетъ онъ,— стала редакція „Киевской Старины“, военной академіей—лекціи исторіи проф. Антоновича, а миннымъ классомъ—его тайные „приватные курсы“ (74). Въ 1898 г. „Грушевскій шлетъ въ Россію тучу приглашеній на столѣтній юбилей возрожденной украинской литературы“ (75); „даже украинскіе клубы двухъ первыхъ Гос. Думъ издавали украинскія газетки“, „дискредитируя авторитетъ синода, газета („Рада“) грозить уніей съ Римомъ, которая будто бы имѣть „много сторонниковъ въ украинской интеллигенціи и даже въ простомъ народѣ“; „Засів“, „Л.-Н. Вістник“ „упорно воюютъ противъ русской культуры и режима“ (76). Такимъ цѣнными „фактами“ вплоть до сплетень о рѣшеніи, напримѣръ, харьковского студенчества „бойкотировать невѣсть-великороссіянокъ“ пе-

¹⁾ Въ масонскихъ ложахъ была особая должность „оратора“, хранителя законовъ масонства. Въ полтавской ложѣ ораторомъ дѣйствительно состояль И. П. Котляревскій. Это и дало, вѣроятно, г. Щеголеву поводъ къ нелѣпому умозаключенію: разъ ораторъ—значить, „часто ораторствовалъ“.

регруженя статья г. Щеголева дотого, что опрокидывается подъ собственной тяжестью. Но позовительно все-таки спросить, изъ какой „партийной литературы сепаратистовъ“ заимствовалъ авторъ свои бредни и сплетни? И зачѣмъ собственные измышленія онъ силится подкрѣпить „источникомъ“, вполнѣ авторитетнымъ съ любой точки зрѣнія? И какъ намъ понимать обѣщаніе г. Щеголева—говорить правду и только правду? Увы!—нѣтъ отвѣта на эти вполнѣ умѣстные вопросы...

Обратимся къ цитатамъ. „Первая ласточка политического украинства въ Россіи,—пишетъ г. Щеголевъ,—промелькнула (sic) въ мартѣ 1905 г. въ Одесѣ. Публицистъ Стешенко требуетъ для Украины (следуетъ цитата взятая въ ковычки. С. Е.) „сперва національные школы, суда, церковной проповѣди и театра, потомъ независимости, но лишь какъ переходной ступени къ федераціи Южной Россіи съ Галиціей“ (№ 76). Г. Щеголевъ по своему обыкновенію не называетъ источника, изъ которого онъ заимствовалъ приведенную цитату, но благодаря указанію на мѣсто и время, когда „промелькнула первая ласточка“, заключаю, что рѣчь идетъ о статьѣ г. Стешенка „Украинофилы“, появившейся въ № 13 (отъ 27-го марта) одесского журнала „Южныя Записки“. Обращаясь къ упомянутой статьѣ, мы напрасно будемъ искать въ ней заключенной г. Щеголевымъ въ ковычки цитаты: этихъ словъ нѣтъ вовсѣ, причемъ вторая часть цитаты, начиная съ „независимости“, даже рѣшительно противорѣчить содержанію статьи г. Стешенка. Выставляя требование „націонализациіи всѣхъ учрежденій, находящихся на территорії Украины и для украинскаго народа“, а также широкой автономіи, г. Стешенко протестуетъ противъ сепаратизма и „незалежности“, знамя „самостійной України“ считаетъ беспочвеннымъ и лишь какъ вопросъ отдаленного будущаго допускаетъ федеративный строй въ Россіи, совершенно ни однимъ словомъ не упоминая о Галичинѣ. Первая ласточка г. Щеголева оказалась, какъ видимъ, вполнѣ похожей на всѣ предыдущія и послѣдующія: онъ просто сочинилъ цитату вопреки смыслу цитируемой статьи, но приписалъ свое сочиненіе „литературѣ сепаратистовъ“.

Такой способъ пользованія источниками практикуется г. Щеголевымъ чрезвычайно широко. Я провѣрилъ почти

всѣ цитаты его и не нашелъ ни одной безупречной въ указанномъ отношеніи, не подправленной и не измѣненной сообразно съ личными взглядами почтенного изслѣдователя по обязанности службы. Въ одномъ мѣстѣ онъ выбросить мѣшающее ему слово, въ другомъ прибавить свое; тамъ свяжетъ половинки двухъ выхваченныхъ фразъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи цѣлыхъ страницъ, тамъ присочинить отъ себя недостающую половину, тамъ смягчить или усилить оттѣнокъ. Зато во всѣхъ случаяхъ обличающія „сепаратистовъ“ ковычки неукоснительно присутствуютъ... Вотъ два—три примѣра для иллюстраціи этой работы г. Щеголева.

Въ № 75-мъ „Кievлянина“ г. Щеголевъ въ этакомъ, знаете, весьма развязномъ тонѣ коснулся извѣстной „Історії України-Русі“ проф. Грушевскаго, причемъ приводить „основной тезисъ“ названного труда. „Тезисъ“ мнѣ удалось разыскать, но не въ „Історії“, а въ другомъ сочиненіи проф. Грушевскаго, и я привожу для сравненія какъ подлинный текстъ, такъ и „цитату“ г. Щеголева.

Подлинникъ.

Только съ трудомъ и очень медленно проникаетъ въ ученую литературу сознаніе того яснаго и совершенно очевиднаго факта, что Кіевское государство, его права, бытъ и культура были созданіемъ украинской народности, а его право и культура у великорусской народности является рецепціею, почти такъ же, какъ право и культура византійская или, напр., польская въ жизни украинского народа XVII—XVIII вв. (Проф. М. Грушевский, „Очеркъ исторіи украинскаго народа“. СПБ. 1904. Стр. 93).

„Цитата“:

Законы, бытъ и культура кіевскаго великокняжескаго периода были созданіемъ не русской, а особой украинской народности, проишедшей отъ миѳическихъ актовъ (sic); для великоруссовъ эта украинская культура была лишь рецепціей, подобно тому, какъ культуры византійская и польская были рецепціей въ жизни украинцевъ. (Щеголевъ, „Южно-Русскій Сепаратизмъ“, Кіевлянинъ, № 75).

Въ слѣдующемъ номерѣ „Кievлянина“ г. Щеголевъ приводить „цитату“ изъ одной публицистической статьи проф. Грушевскаго. Эту „цитату“ мнѣ удалось разыскать въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, и опять-таки предлагаю ее для сравненія.

Подлинникъ.

Украина, добровольно присоединившася къ Россіи... („Укр. Вѣстникъ“, 1906 г., № 3, стр. 142).

„Цитата“:

Сопричисливъ украинцевъ въ Россіи къ „покореннымъ народамъ“, г. Грушевскій указываетъ на „неубѣдительность увѣреній представителей этихъ народностей, что онъ останутся вѣрными единству и нераздѣльности Россіи; и е основательны такія заявленія и со стоп-

Я думаю, однако, что эти увѣренія, въ какихъ бы сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ они ни предлагались, не имѣютъ ни для кого особыхъ убѣдительности. Во-первыхъ, за-

в бренія отдельныхъ представителей не могутъ считаться за vox populi; во-вторыхъ, увѣренія, хотя бы и клятвы на кандалахъ, которая даются невольниками предъ выпускомъ ихъ на свободу, не внушаютъ никогда особаго довѣрія. Жизнь идетъ и развивается и своею стихійною силою беретъ верхъ надъ трактатами и формулами, будуть ли они сочинены бюрократическими дипломатами или во-ждями, выдвигаемыми въ моменты народныхъ движений. Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ, логическимъ завершеніемъ запросовъ национального развитія и самоопредѣленія всякой народности, занимающей опредѣленную территорію и обладающей достаточными задачками и энергіею развитія (Іb., стр. 144—145).

Это называется процитировать! Но самое худшее въ данномъ случаѣ то, что, оборвавъ фразу г. Грушевскаго на полусловѣ, г. Щеголевъ скрылъ отъ читателя цѣлые страницы, на которыхъ авторъ развиваетъ свое положеніе о томъ, чѣмъ можетъ быть сохранено единство Россіи. „Путь къ этому,—вотъ подлинныя заключительныя слова проф. Грушевскаго,—это широкое проведение принципа національно-территоріальной и областной автономіи и обеспеченія національныхъ правъ всѣхъ народностей на ихъ террито-ріяхъ и внѣ ихъ. И въ проведеніи этихъ принциповъ залогъ сохраненія единства Россіи“ („Укр. Вѣстникъ“, 1906 г., № 3, стр. 151). Заключеніе, какъ видимъ, въ дѣйствительности совершенно обратное „процитированному“ г. Щеголевымъ. Послѣдній доходитъ, впрочемъ, въ своихъ „цитатахъ“ до такой смѣлости, что извращаетъ даже общеизвѣстныя произведенія; такъ, онъ утверждаетъ, что „Заповіт“ Шевченка „направленъ противъ москалей“ („Кievлянинъ“, № 78), а содержаніе довольно популярного стихотворенія г. Франка „Не пора“ излагаетъ въ видѣ слѣдующей цитаты: „народъ украинскій возстанетъ, встряхнетъ Кавказомъ и Карпатами и прокатитъ по Черному морю кличъ свободы“ („Кievлянинъ“, № 75). Едва ли послѣ сказаннаго слѣдуетъ прибавлять, что ни въ „Заповітѣ“ не найдемъ ни слова о „москаляхъ“, ни въ стихотвореніи г. Франка о возстаніи, о Кавказѣ, Карпатахъ и Черномъ морѣ даже не упоминается¹).

роны сочущіе въ имъ представителей русскаго общества. Клятвы на кандалахъ, даваемыя невольниками предъ ихъ выпускомъ на свободу, не внушаютъ довѣрія: жизнь стихійно возьметъ верхъ надъ трактатами и формулами“. Въ заключеніе (?) лидеръ украинства наставительно подчеркиваетъ: „Полная самостоятельность и независимость является послѣдовательнымъ и логическимъ завершеніемъ въ процессѣ національного развитія и самоопредѣленія всякой народности“ („Кievлянинъ“, № 76).

¹) Ів. Франко, З вершин і низин. Львів, 1893, стр. 73.

Я не хочу окончательно истощить терпѣніе читателя, приводя новые примѣры фальсификацій, число которыхъ при желаніи легко можно бы увеличить до безконечности. Я думаю, что и приведенныхъ достаточно, чтобы во весь ростъ обрисовать фигуру „читателя по долгу службы“ и „писателя“ въ вицъ-мундирѣ, чиновника цензурнаго вѣдомства. Прямо поразительна та злобность, чрезъ которую пре-ломляется читаемое въ мозгахъ такого „читателя“, прямо невѣроятна та безсовѣстность и наглость, съ которой подобный „писатель“ извращаетъ прочитанное, подтасовываетъ факты, фальсифицируетъ цитаты, не только не стѣсняясь при этомъ прикрываться своимъ служебнымъ положеніемъ, но даже пользуясь имъ какъ щитомъ. Мнѣ припоминается получившая всероссійскую извѣстность фигура судебнаго слѣдователя Лыжина, прославившагося своими подлогами въ политическихъ дѣлахъ о „новороссійской республикѣ“ и армянской партіи „Дашнакцутюнъ“, и, наблюдавая хлопочущую около „сепаратизма“ юркую фигурку г. Щеголева, я говорю: вотъ хороший кандидатъ въ Лыжины, вотъ кто мастеръ учинять тѣ манипуляціи, благодаря которымъ людей можно будетъ очень удобно посыпать въ каторжныя работы. Ибо изслѣдованіе этого господина о „Южно-Русскомъ Сепаратизмѣ“ буквально копируетъ тѣ приемы, съ помощью которыхъ Лыжинъ состряпалъ свое знаменитое слѣдствіе о „Дашнакцутюнѣ“. Да „Сепаратизмъ“ и „Дашнакцутюнъ“ имѣютъ еще и то удобное сходство, что благодаря совершенной неопределенноти ихъ содержанія всякий Лыжинъ и всякий Щеголевъ имѣютъ полную возможность пристегивать къ этимъ словамъ все, что угодно, вплоть до молодыхъ людей, бойкотирующихъ невѣсть. А между тѣмъ послѣдствія такого пристегиванія могутъ оказаться весьма и весьма плачевными: поди, доказывай потомъ, что ты не верблюдъ, какъ гласитъ извѣстный анекдотъ...

Читатель при сопоставленіи именъ Лыжина и Щеголева можетъ недовѣрчиво улыбнуться. Вѣдь первый имѣлъ въ рукахъ дѣйствительную возможность вредить людямъ своими подлогами, а второй, печатая свой вздоръ, фабрикуя свои нелѣпья измышленія и извращенія, которыя очень легко установить, самъ обезвредилъ себя въ практическомъ смыслѣ. Но я просилъ бы удержать улыбку. Во-первыхъ, докладъ г. Щеголева имѣть вполнѣ определенная практическія

цѣли, заканчиваясь предложеніемъ ввести законодательнымъ путемъ ограниченія для украинскаго слова, а это въ наше время неограниченныхъ возможностей вовсе не такая ужъ несбыточная фантазія. А во-вторыхъ... мнѣ припоминается исторія закрытія кievской „Просвіти“, тѣсно связанныя именно съ „читательской“ и „писательской“ дѣятельностью г. Щеголова.

Основаніемъ къ закрытію наиболѣе дѣятельной изъ „Просвіт“ послужилъ докладъ г. Щеголова кievскому губернскому по дѣламъ объ обществахъ присутствію объ издательской дѣятельности общества. Докладъ этотъ, въ качествѣ офиціального документа заслушанный присутствіемъ и не сообщенный даже правленію закрытаго общества, впослѣдствіи появился почему-то на столбцахъ того же „Кievлянина“, что даетъ возможность провѣрить положенія этого любопытнаго документа, необыкновенно развязнымъ, до неприличія доходящимъ тономъ обвиняющаго „Просвіту“ во всѣхъ политическихъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ Уголовнымъ Уложеніемъ. Оказывается, что въ своемъ слу же б н о мъ докладѣ г. Щеголовъ остается вѣренъ себѣ, пользуясь тѣми же приемами изслѣдованія, какъ и въ своемъ частномъ трудѣ, съ которымъ мы только-что ознакомились. При провѣркѣ его цитатъ становится совершенно очевиднымъ, что онѣ фабриковались авторомъ доклада путемъ искаженій, произвольныхъ пропусковъ и вставокъ, натянутыхъ толкованій и т. д. Излюбленнымъ способомъ г. Щеголова уже и тогда являлось приписываніе авторамъ изданныхъ „Просвітой“ брошюре мыслей, имъ не принадлежащихъ, а лишь приводимыхъ ими изъ историческихъ документовъ или юридическихъ актовъ. Такъ, если авторъ брошюры говоритъ: „въ англійскомъ законѣ постановлено“, что народъ платить подати по опредѣленію своихъ представителей,—то г. Щеголовъ или совсѣмъ опускаетъ ссылку на англійское законодательство, или измѣняетъ ее такимъ, напримѣръ, образомъ: „по поводу англійской конституції мы находимъ разъясненіе“... Затѣмъ слѣдуютъ обрывки фразъ, совершенно искажающихъ основную мысль автора. Было бы скучно, да и несвоевременно теперь, возстановлять предъ читателемъ полную картину подвиговъ г. Щеголова надъ изданіями беззащитной „Просвіты“. Достаточно будетъ привести заключительныя строки доклада, содержа-

щія грозний обвинительный актъ по адресу просвѣтительнаго общества.

«Всѣ брошюры,—пишетъ г. Щеголевъ,—не взирая на различіе заглавій, занимаются соціально-политическими вопросами и при томъ по довольно опредѣленной программѣ: дискредитированія монархической власти и пропаганда республиканскихъ идей, восхваленіе революціонныхъ и бунтовщическихъ дѣяній, принципіального (?) фетишизма предъ политическими преступниками, подрыва авторитета законодательныхъ и административныхъ органовъ правительства и проповѣди рѣшенія аграрного вопроса по рецептамъ анархистовъ-коммунистовъ; къ тезисамъ этимъ призываютъ также защита антимилитаризма и патріотического индифферентизма, отрицаніе необходимости релігіознаго воспитанія въ народныхъ школахъ и поднятіе знамени узконациональной автономіи для членовъ многоязычныхъ государственныхъ единицъ. Соприкосновеніе съ этой темой заставляетъ авторовъ украинофильскихъ брошюръ соскальзывать быстрымъ темпомъ по крупной наклонной плоскости изъ области здраваго смысла въ область утопій: авторы возстаютъ противъ пріобщенія малорусскаго племени къ общерусской культурѣ, называютъ это племя лишеннымъ всякихъ (!) человѣческихъ правъ и мечтаютъ о славянской федеративной республикѣ съ Малороссіей въ качествѣ самостоятельнаго члена этой федерації»¹⁾.

Ну, чѣмъ не „Дашнакцутюнъ“, т.-е. матеріальъ, достаточный для привлеченія по самимъ каторжнымъ статьямъ? Достойны вниманія при этомъ еще слѣдующія обстоятельства. Г. Щеголевъ, въ качествѣ лица, „имѣющаго за этой литературой по характеру своей службы въ вѣдомствѣ по дѣламъ печати наблюденія“, четыре года, однако, крѣпился, молчалъ и бездѣйствовалъ, чѣмъ несомнѣнно способствовалъ процвѣтанію обличаемой имъ преступной дѣятельности. Даѣте, ни одно изданіе „Просвіты“ не было ни конфисковано, ни преслѣдуемо судебнымъ порядкомъ ни до, ни послѣ доклада г. Щеголева. Наконецъ, кievское по дѣламъ обѣ обществахъ присутствіе, зная о четырехлѣтнемъ бездѣйствіи г. Щеголева, настолько однако ему довѣрилось, что отказалось выслушать объясненія представителей „Просвіты“, которые, несомнѣнно, обнаружили бы все своеобразіе пріемовъ, допущенныхъ авторомъ доклада въ служебной бумагѣ. Одно сопоставленіе этихъ обстоятельствъ способно навести на весьма поучительныя заключенія...

Какъ бы то ни было, кievская „Просвіта“ съ помощью указанныхъ пріемовъ была закрыта. Культурно-просвѣтительная работа, съ такимъ трудомъ и затратой энер-

¹⁾ „Звідлення Товариства Просвіта у Київі за 1910 рік.“ Кіевъ, 1910, стр. 55—56. Тамъ же приведены и остальные документы, относящіеся къ закрытию общества.

гіі налаженная, прекращена. Сотни людей, группировавшихся вокругъ этой работы, обращены вновь въ распыленное состояніе... Говорите же послѣ этого, что г. Щеголевъ не представляетъ изъ себя пока маленькаго Лыжина, а его „Сепаратизмъ“ не похожъ на „Дашнакцутюнъ“! И, судя по началу, вполнѣ возможно допускать, что восходящая звѣзда въ непродолжительномъ времени затмитъ собою старыя свѣтила...

Къ сожалѣнію, лыжинско-щеголевскіе пріемы начинаютъ прививаться не только въ „служебной литературѣ“. Убѣждаетъ меня въ этомъ отвѣтъ по моему адресу г. Кашкарова подъ заглавиемъ „Кто правъ?“, напечатанный въ № 76 „Утра Россіи“ (отъ 1-го апрѣля). Отвѣтъ настолько своеобразный, что я сперва склоненъ былъ считать его первоапрѣльской шуткой и лишь изъ „великаго прискорбія“, которымъ заканчиваетъ свою статью г. Кашкаровъ, я долженъ былъ убѣдиться, что онъ вовсе не намѣренъ шутить. Что же, будемъ говорить серьезно. Боюсь только, что мой оппонентъ принадлежитъ къ типу людей, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ оказывающихся правыми и потому не считающихъ нужнымъ даже прислушиваться къ дѣлаемымъ имъ возраженіямъ.

Въ прошлый разъ я отмѣтилъ, что г. Кашкаровъ оперируетъ такими сочетаніями понятій, какъ „галицкіе мазепинцы“, не замѣчая внутренняго ихъ противорѣчія; что онъ совершено произвольно къ гипотетической австрійской интригѣ пристегиваетъ соціалъ-демократовъ, что вообще безъ смысла употребляетъ вздорную словесность націоналистического лагеря. На эти замѣчанія, не прислушавшись къ нимъ хорошенко, и отвѣчаетъ г. Кашкаровъ. Отвѣчаетъ съ чрезвычайно побѣдоноснымъ видомъ, любезно, хотя и язвительно, желая „разрѣшить недоумѣніе добродія (о сколь много яда заключается въ этомъ „добродія“!) Ефремова“. Отвѣчаетъ цитатой изъ „галицкой мазепинской“ газеты „Впередъ“, ссылкой на апокрифическія рѣчи Крамаржа, Василька и Цеглинскаго, прихвативъ къ нимъ и брошюру весьма у насъ извѣстнаго Тивоновича. Даже „разоблаченіями“ Раковскаго не побрезговалъ, даже вспомнилъ о львовскомъ просвѣтительно-экономическомъ съездѣ 1909 г., „на которомъ, какъ утверждаютъ украино-фильскія газеты,—подчеркиваетъ г. Кашкаровъ,—приняли участіе и нѣкоторые депутаты нашей Государственной

Думы". Даже карта, „уличающая мазепинцевъ Украины, оть Сана до Кавказа“ не ускользнула оть вниманія г. Кашкарова, равно какъ и фактъ автономистскихъ заявлений, исходящихъ, несомнѣнно, изъ украинскихъ круговъ (ссылка на газету „Діло“).

Не къ свѣдѣнію столь освѣдомленного г. Кашкарова, а единственно въ видахъ большей полноты считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторые добавленія къ этимъ подавляющимъ уликамъ противъ „мазепинцевъ“. Этнографическая карта Украины, оть Сана до Кавказа, дѣйствительно печатается, и не только на обложкѣ „Ukrainische Rundschau“ но и во всякомъ этнографическомъ или справочномъ русскомъ изданіи, и что уличающаго увидѣлъ здѣсь г. Кашкаровъ—это мнѣ не совсѣмъ понятно. Объ участіи въ львовскомъ съѣздѣ нѣкоторыхъ депутатовъ Государственной Думы (собственно одного—проф. Луцицкаго) дѣйствительно утверждала такая украинофильская газета, какъ „Кievлянинъ“, причемъ это утвержденіе сдѣлалось даже предметомъ судебнаго разбирательства, на которомъ выяснился какъ характеръ съѣзда, такъ и полная не-причастность къ нему депутатовъ, въ частности проф. Луцицкаго. Надъ ссылками на разоблаченія Раковскаго въ настоящее время, особенно послѣ процесса В. Липинскаго въ Варшавѣ, даже куры смѣются, какъ и надъ японскими миллионами Черепъ-Спиридовича или финляндскими субсидіями, щедро отпущенными Глинкой въ распоряженіе оппозиціонной русской печати. Къ категоріи подобныхъ же ссылокъ относится и упоминаніе о брошюрѣ Тивоновича. Относительно рѣчей Крамаржа, Василька и Цеглинскаго могу не говорить, такъ какъ едва ли даже освѣдомленный г. Кашкаровъ будетъ въ состояніи точно установить, что въ этихъ рѣчахъ было дѣйствительно сказано и что прилипло къ сказаному по дорогѣ оть Вѣны до Москвы, особенно при содѣйствіи офиціального агентства и ново-временныхъ собственныхъ корреспондентовъ. Остаются, слѣдовательно, несомнѣнными двѣ ссылки—на „Діло“ и на „Впередъ“, къ великому прискорбію г. Кашкарова показывающія „наличie (sic) мазепинскаго движенія“ и даже—что ужъ совершенно неожиданно—„темныхъ фондовъ“.

Вотъ прискорбна для г. Кашкарова цитата изъ „Діла“: „Національно-культурная обособленность украинцевъ требуетъ нѣкотораго рода политической самостоятельности и

постулатъ политической автономіи болѣе популяренъ на Украинѣ, чѣмъ это допускаютъ украинскіе аполитисты“ и т. д. Но при чемъ здѣсь „мазепинство“, подъ которымъ самъ г. Кашкаровъ разумѣеть то „вполнѣ подготовленный заговоръ“, то „безсмысленную вражду къ Россіи и русской культурѣ“? Автономія есть автономія—не болѣе, и автономистскія воззрѣнія громаднаго большинства украинскаго общества—фактъ настолько общеизвѣстный, что, право, не стоило г. Кашкарову открывать эту Америку при помощи случайной цитаты изъ „Діла“. Онъ могъ воспользоваться опубликованными программами украинскихъ партій и публицистическими статьями, въ которыхъ автономизмъ украинцевъ не только провозглашается, но и весьма подробно и обстоятельно обосновывается. Я, напр., не чувствуя никакой вражды ни къ народной Россіи, ни къ русской культурѣ, исповѣдую тѣмъ не менѣе автономизмъ, вовсе не думая съ этимъ скрываться,—и „суди меня судія неправедный“, если угодно, однако зачѣмъ же не идущее къ дѣлу „мазепинство“ пристегивать?

Но вотъ въ цитатѣ изъ „Впередъ“, приводимой г. Кашкаровымъ, какъ-будто уже и вражда имѣется. Со скорбнымъ лицомъ отчитываетъ г. Кашкаровъ меня за то, что въ выдумкѣ его о дружественномъ единеніи соціалъ-демократовъ съ австрійскимъ правительствомъ я увидѣлъ лишь „веселенький пейзажикъ“. Къ сожалѣнію, и послѣ отвѣта г. Кашкарова рѣшительно не могу настроить себя на грустный ладъ по поводу упомянутаго якобы единенія. „Впередъ“ недружелюбно настроенъ по отношенію къ Россіи,—говорить г. Кашкаровъ и приводить довольно яркую цитату. Я думаю, что въ доказательство отстаиваемаго имъ единенія нужно было привести совершенно другую цитату, а именно - характеризующую отношеніе соціалъ-демократовъ не къ Россіи, а къ Австріи. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ...

Въ томъ же номерѣ „Утра Россіи“ имѣется восторженная статья о Герценѣ, въ которой особенно подчеркивается любовь великаго изгнанника къ Россіи. И мнѣ любопытно стало, какой бы отзывъ о Герценѣ сдѣлало „Утро Россіи“, если бы статью о немъ поручено было написать г. Кашкарову. Очень подозрительный это человѣкъ былъ, Герценъ. „Неужели,—писалъ, напр., онъ,—вамъ не приходило на мысль, читая Пушкина, Лермонтова, Гоголя, что кромѣ

официальной, правительственної Россіи, есть другая?“ („Колоколь“, избранныя статьи, изд. 1887 года, стр. 91). Да вѣдь это чистой воды „мазепинецъ“, — сдѣлалъ бы открытие г. Кашкаровъ, — по крайней мѣрѣ логически долженъ его сдѣлать, разъ увидѣль доказательство мазепинства въ цитатѣ изъ „Впередъ“. Скажу болѣе: а извѣстно ли г. Кашкарову, что Герценъ не только отстаивалъ автономію Украины, но выдвигалъ даже болѣе крайнія требованія, которыя я не рѣшусь повторить при нашей свободѣ печати? Если неизвѣстно, то пусть узнаетъ, а если извѣстно, то почему онъ достойнымъ образомъ не заклеймитъ и этого „мазепинца“?

Нѣтъ, хорошо сдѣлало „Утро Россіи“, что не поручило статью о Герценѣ писать г. Кашкарову: напуталь бы онъ. Герценъ не былъ, разумѣется, мазепинцемъ, это былъ просто человѣкъ честнаго и послѣдовательнаго мышленія, который понималъ то, что недопустуно пониманію г. Кашкарова: что нельзя оперировать съ гнилыми фактами и играть словами, не уяснивъ себѣ ихъ значенія. И потому Герценъ много ошибался, а г. Кашкаровъ всегда былъ и будетъ правъ, съ чѣмъ, разумѣется, только и остается его поздравить.

С. Ефремовъ.
